

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-5>
УДК 821.161.1

Attribution
cc by

ГНОСТИЦИЗМ И ИОВ В «ЛЕДЯНОЙ ТРИЛОГИИ» В. СОРОКИНА

Рысухин В.С.

Кубанский государственный университет, or.irbis@gmail.com

***Аннотация.** В данной статье рассмотрен сюжет ветхозаветной Книги Иова как мировоззренческой основы романов Владимира Сорокина «Лёд», «Путь Бро» и «23000». Цель работы – исследовать причины обращения Сорокина к архетипу Иова в «Ледяной трилогии». В статье рассматривается гностическое учение, которое является основой мироощущения братьев Света в романах. Обращение Сорокина к Иову носит характер поиска способов преодоления гностицизма. Для раскрытия особенностей интеграции в современный текст ветхозаветных смыслов было использовано понятие Иов-ситуации, описывающее особенности функционирования архетипа в тексте. «Ледяная трилогия» рассматривается как факт трансформации нарративной модальности Владимира Сорокина, что подтверждается высказываниями самого автора в интервью. Актуальность исследования связана с увеличением интереса к творчеству Владимира Сорокина, одной из ключевых фигур в современной русской постмодернистской литературе.*

***Ключевые слова:** Иов, архетип, современная русская литература, имплицитность, постмодернизм.
Финансирование: инициативная работа.*

Original article

"THE PLOT OF JOB" IN MODERN RUSSIAN PROSE

Vladimir S. Rysukhin

Kuban State University

***Abstract.** This article examines the plot of the Old Testament Book of Job as the ideological basis of Vladimir Sorokin's novels "Ice", "The Way of Bro" and "23000". The purpose of the work is to investigate the reasons for Sorokin's appeal to the archetype of Job in the "Ice Trilogy". The article examines the Gnostic teaching, which is the basis of the worldview of the brothers of Light in the novels. Sorokin's appeal to Job is in the nature of a search for ways to overcome gnosticism. To reveal the features of the integration of Old Testament meanings into the modern text, the concept of Job-situation was used, describing the features of the functioning of the archetype in the text. The "Ice Trilogy" examines the transformation of Vladimir Sorokin's narrative modality, which is confirmed by the author's own statements in an interview. The relevance of the research is related to the increasing interest in the work of Vladimir Sorokin, one of the key figures in modern Russian postmodern literature.*

***Keywords:** Job, archetype, contemporary Russian literature, implicitness, postmodernism.*

***Funding:** Independent work.*

Введение.

Творчество Владимира Сорокина – сложная постмодернистская стилистическая игра, отражающая тенденции современного литературного творчества. И до издания романа «Лёд» так и было – «Гридцатая любовь Марины», «Роман», «Сердца четырёх», «Голубое сало» как апофеоз культуры насмешничества несут читателю язвительно ироничного Сорокина, который последовательно подвергает отрицанию и деконструкции все ценности, которые только может найти и вербализовать. При этом Сорокин-постмодернист не предлагает ни-

каких иных ценностей, как это делали модернисты. Вот как его поэтику оценивает С. Резниченко: «Сорокин продолжает играть в привычно отработанную постмодернистскую игру. Карнавал, игра, лубок, лицедейство...» [4]. Сорокин предлагает читателю эффект негативного катарсиса: чтобы познать прелесть нормальной жизни, нужно увидеть её обратную сторону.

Трилогия в процессе своего создания наследовала постмодернистски-антигуманистическим традициям раннего Сорокина, потому что Сорокин говорит: «Когда я писал "Лед" и "Путь Бро", я сочувствовал братьям Света, но не могу сказать, что был на их стороне» [2]. Это

вполне соответствует ранней сорокинской традиции уничтожать и извращать любые гуманистические ценности. Однако сам Сорокин признаётся, что, когда он писал третью часть Трилогии, он «стал сочувствовать посетителям сайта www.icehammervictims.org, потому что они заслуживают большего сочувствия, чем эти братья. Будущее оказывается за ними» [2].

Это свидетельствует о некоторых изменениях в творческой парадигме Владимира Сорокина. Ледяная трилогия вполне могла продолжить традицию тотальной неоголощения, если бы автор не перестал сочувствовать белокурый и голубоглазым гностикам, как это было при написании первых двух частей. Сорокин делает шаг в сторону гуманизма. И если прежде человеческая жизнь для сорокинской прозы не стоила ничего, то теперь мы видим, как автор начинает сочувствовать людям, пережившим страдания из-за братьев Света. Это позволяет привлечь к обсуждению понятие Иов-ситуации. В современной философии, психологии и литературоведении существует понятие Иов-ситуации как обобщённого описания событий, образов и сюжета книги Иова. Это переживание внезапной иррациональной катастрофы, попадая в которую, человек отчаянно ищет смысл и не может его найти, при этом обращение к Богу носит характер дерзкой апелляции к источнику смысла. В настоящей статье Иов-ситуация рассматривается как сюжетная доминанта «Ледяной трилогии», обращение Сорокина к которой обусловлено необходимостью преодоления гностического мироощущения.

Обсуждение.

Ведущий вектор исследования Ледяной трилогии Владимира Сорокина – разговор о гностицизме. Текст Владимира Сорокина явно отсылает читателя к гностическому мифу, воплощённому в главных героях первых двух частей трилогии – в Братьях Света. Гностический миф говорит о Первоначальном Верховном Боже-стве, которое «источает» свою благодать в виде «эонов» – эманаций божественной сущности – которые в свою очередь исчисляются тридцатью и образуют Плерому. В некотором смысле это духовный мир, чьё существование предшествует созданию материального мира. Среди эонов находится особая личность – София (мудрость), которая в стремлении познать Первобога заходит так далеко, что изгоняется им из Плеромы и порождает Ахамот (горе, страдание), от которой в свою очередь происходит Демиург.

Этот персонаж не является эоном, он – первый из архонтов, божеств более низкой иерархии, божественных существ третьего порядка (Первобог – эоны – архонты). Однако Демиург первый после Первобога обладает творческой потенцией, он творит материальный мир, который одухотворяет София. С сотворением и управлением материального мира ему помогают порождённые им сущности – архонты, которые начиная с определённого момента ненавидят населяющих Землю людей, ибо те стремятся к трансцендентному и, главное, способны его достигать. Этот особый статус человека становится предметом зависти для Демиурга и его архонтов, потому что они, в отличие от их матери, Софии, а также людей, не имеют доступа к Плероме.

Сравним это с онтологией текста Владимира Сорокина: «Сначала был только Свет Изначальный. И свет сиял в Абсолютной Пустоте. И Свет сиял для Себя Самого. Свет состоял из двадцати трех тысяч светоносных лучей... Времени не существовало. Была только Вечность. И в этой Вечной Пустоте сияли мы, двадцать три тысячи светоносных лучей. И мы порождали миры. И миры заполняли Пустоту» [2, с. 48]. Может показаться, что Братья Света есть, в соответствии с гностическим мифом, эоны Света Изначального, то есть Первобога. Воплощение их в лучах напоминает принцип эманаций, описанный в гностическом мифе.

Однако здесь сразу можно предложить и второй, более предпочтительный, вариант соответствия: братья света – это архонты Демиурга, который творит материальные миры. Такой взгляд позволяет увидеть больше точек соприкосновения гностического мифа и сорокинского текста, поскольку создание земли Братьями Света воспринимается как «Великая Ошибка Света». Как Демиург в гностическом мифе не обладает непогрешимостью Первобога и проявляет некий аналог раскаяния – зависть творению – так и Братья Света в сорокинском тексте приходят к сожалению, о том, что они сотворили Землю. Собранные воедино в кругу 23000, они представляют собой Демиурга, который не обладает достаточной прозорливостью, чтобы понять опасность создания воды, после отражения в которой они распадаются на известное число частей.

Исследователи дают следующее определение мировоззрению гностиков: «мировоззре-

ние, организованное по образцу космологической модели, насыщенной персонологическими образами, мировоззрение, сочетающее в себе сотериологию и эсхатологию и провозглашающее культ гнозиса» [6, с. 172]. В мироощущении Братства Света последовательно реализуются все указанные особенности гностицизма. Ледяная Трилогия Владимира Сорокина имеет мировоззренческую основу в виде гностицизма. Мироощущение Братства Света представляет собой цельное и последовательное гностическое учение. Однако остаётся важным для исследователей Владимира Сорокина вопрос: если согласиться, что Владимир Сорокин начиная с Ледяной Трилогии отходит от традиций постмодернизма в модернизм и ставит перед собой смысловые задачи, то зачем Сорокину нужен гностицизм? Он разделяет это мировоззрение или предлагает его критику? Б.А. Ланин, В.О. Кубышкина и другие исследователи замечают, что хотя Ледяная трилогия до самого финала имеет все черты утопии, всё-таки завершается антиутопично. Если мы примем гностицизм в качестве основной идеи, подвергаемой доказательству и/или критике, то определение Ледяной Трилогии как антиутопичного произведения позволяет говорить о том, что гностицизм здесь предлагается как отвергаемый антитезис по отношению к тезису, который Сорокин не формулирует до самого финала произведения. Тезис, который приходит как противоположность гностицизма, здесь – это вера в Бога.

Не случайно Земля не оказывается разрушенной в конце, не случайно Братства Света изображены обескураженными своим несостоявшимся единением и обожествлением – гностицизм Братства Света оказывается обманом, ложной концепцией, не ведущей к просветлению и обретению гнозиса. Во всяком случае, для человека, коими являются выжившие в финале Ольга и Бьорн (местные Адам и Ева), гностицизм пуст и бесполезен. Свет Изначальный не может даровать человеку ничего. Ольга и Бьорн уверены, что Бог есть и что именно Бог спас Землю от 23000 бесчеловечных гностиков.

Сорокин отстаивает людей перед лицом гностицизма, так сильно увлекшего и самого автора. Гностическое мироощущение не оставляет человечеству ни шанса на успех. Только избранные спасутся, только малое число *знающих* законы мира получит спасение, а подавляющее большинство – «мясные машины», обречённые на бессмысленную жизнь и бессмысленную

смерть. *Человек перед лицом иррационального божества* – вот основная тема Ледяной Трилогии и по совместительству основная (вполне модернистская) ценность, отстаиваемая Владимиром Сорокиным, а также это ключевой мотив Ветхозаветной книги Иова, который становится сюжетообразующим началом как в ветхозаветной книге, так и в сорокинской Трилогии. Не случайно первый эпиграф к Ледяной трилогии – цитата из Иова.

Первый эпиграф Ледяной трилогии таков: «Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный, – кто рождает его?» (Книга Иова, 38: 29). В книге Иова эти слова произносит Бог, являясь во славе к Иову, который посылает небу претензии в несправедливости, основываясь на убеждении в собственной непогрешимости. Главная интрига книги Иова и логики повествования в этом тексте заключается в том, что Бог – источник истины и создатель нравственного закона – не отвечает на вопросы Иова о несовершенстве известной Иову морали. Этому можно найти несколько объяснений, но ясно одно: ответ на все вопросы, которые задаёт Бог Иову – сам Бог. Лёд выходит из чрева Божьего, и Бог рождает иней небесный. Не безликие лучи, презирующие воплотившуюся жизнь, сотворили наш мир, а Господь Бог, оставшийся непознанным братьями Света. Можно также отметить, что в таком эпиграфе заключается и умонастроение книги Иова, которое состоит в том, что Бог являет себя, хотя и не даёт ответов на заданные человеком вопросы. Само по себе богоявление всё объясняет. Именно так происходит в финале трилогии: человеку (Ольгу и Бьорну) был явлен Бог, который не ответил на их вопросы, но подтверждением факта Своего существования привёл героев в состояние получивших откровение о мире.

Поскольку Сорокин сам в одной из самых значимых частей текста подключает Ледяную трилогию к смысловому пространству книги Иова, следует описать и иные сюжетные и мировоззренческие параллели, которые позволили бы объяснить логику нарративной стратегии Владимира Сорокина.

Мы можем проследить, как Ветхозаветный Иов много критического внимания уделяет окружающей его действительности, в которой он разочаровался. В качестве обобщающей мысли он говорит: «погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!» (Иов.3:3). Иов осознаёт свою проблему

не только локально в своём частном случае, он ищет глобальные причины существования такой ошибки. Он находит их в несовершенстве дня своего рождения, но в этой экстраполяции можно пойти дальше и сказать: «будь проклят мир, который был сотворён», потому что в нём возможны страдания. Идентичное критическое мироощущение становится лейтмотивом и предметом обсуждения в первых двух частях Ледяной трилогии. Сотворение Земли называется не иначе как «Ошибкой света» – подобное пессимистичное мировоззрение свойственно и страдающему Иову, и Братьям Света (а вместе с ними и автору) в Ледяной Трилогии.

Впрочем, в истории Иова Бог не только источник смыслов для человека, но и иррациональная воля, обладающая тайным знанием, которое не получится объяснить или понять земным умом. К Его воле можно только прикоснуться, и средство для этого – узреть Его Самого и дела его. Этот мотив мы видим реализующимся в финале Ледяной трилогии. Человечество в лице Бьорна и Ольги входит в контакт с Братством Света и, не имея возможности стать одними из них, понять их стремление к свету, заговорить сердцем, Бьорн и Ольга тем не менее получают возможность прикоснуться к сущности потустороннего через участие в ритуале – предполагаемом эсхатологическом действии. Они, как и Иов, имеют несовершенное понимание сущности, обитающей в трансцендентности, (в терминологии Иова – «слышать слухом уха»). При этом они, как и Иов, отказываются от своей борьбы против Братства, когда встречаются с ним лично (на языке Иова – «теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и рассказываюсь в прахе и пепле»). Иов, не получая ответ на свои вопросы, тем не менее покоряется воле Бога, с Которым он имел возможность общаться лично. Так и претензии человечества в лице Ольги и Бьорна куда-то исчезают, и они покорно идут исполнять волю Братства.

Результаты.

В чём же тогда соответствие ролей в сюжетной линии Книги Иова и Ледяной Трилогии Сорокина? Для начала укажем на очевидное соответствие сатаны как обвинителя человека и Братства Света как точно таких же ненавистников всего человеческого. Задача сатаны в Книге Иова – дискредитировать праведника, доказать Богу его несовершенство, а в лице Иова – и всего человечества. Это критическое, уничтожающее,

обвиняющее, нелюбящее начало. Такими предстают, и братья Света Изначального в Ледяной Трилогии – нелюбящей сущностью, наиболее явно проявляющей себя в функции человеконенавистничества. При этом следует отметить, что такой образ вполне согласуется с нелюбящим Демиургом в гностическом мифе. И во всех трёх случаях над проделками обвинителей возвышается Высочайшая инстанция (в Книге Иова – это собственно иудейский Яхве, в гностическом мифе это Первобог, а у Сорокина – тоже Бог, который являет себя в самом конце).

Остаётся понять, где в этой истории звучит голос Иова. А.В. Татаринцов считает, что им не могут быть Ольга и Бьорн: «Остается ли в «Пути Бро» и в романе «Лед» подтекстовый голос Иова, его ответ высшим силам, его нежелание смириться с приговором? Вряд ли он обнаруживается в голливудской деятельности шведа и русской еврейки из романа "23000"» [3, с. 675]. Здесь следует согласиться: кинематографичные Ольга и Бьорн имеют мало общего со страдальцем из Книги Иова. Однако если увидеть в них только частность от общего – человеческого – то Иов обнаруживается во всей человеческой общности романа. Как Братья Света мыслят себя в некотором смысле как нечто единое, так и человечество они довольно часто оценивают, как некую общность: «мясо клубится». Это самое «мясо» и есть человечество на языке гностических героев Сорокина. И поскольку мы в виде общности определили у общности Братьев Света функцию обвинителя, сатаны, то мы по той же самой модели можем определить у человечества (мяса) в трилогии функцию Иова. Конечно, статус повествователя у Сорокина получает не Иов, а Сатана – гностические обвинители человека, однако это не отменяет функциональную общность человеческой общности, выраженной в Ольге и Бьорне как в критически-трансцендентно ориентированном Иове-страдальце.

Остаётся ответить на последний вопрос: зачем Сорокину нужен Иов в его Трилогии? Зачем Владимир Сорокин явно связывает свой текст со сложной ветхозаветной историей страдальца, искавшего Бога и нашедшего Его? Книга Иова тоже может быть рассмотрена как диалог о древнем, ещё дохристианском – иудейском – гностицизме, который тогда ещё не носил своего имени, но как явление явно существовал. Если вновь обратиться к определению сути гностического учения (здесь нам нужно избавиться

его от новозаветных мифологем и рассмотреть, как набор общепонятных мировоззренческих установок), то можно увидеть, что мироощущение трёх друзей Иова довольно точно может быть описано словами «мировоззрение, организованное по образцу космологической модели, насыщенной персонологическими образами, мировоззрение, сочетающее в себе сотериологию и эсхатологию и провозглашающее культ гнозиса».

Иов в данном случае субъект преодоления поклонения гнозису. Несмотря на то, что его главное стремление – познать Бога, способ познания он выбирает в корне отличающийся от того, который предлагают гностики (его друзья). Даже если мы посмотрим на финал текста, то увидим, что Иов так и не получает от Бога никакого знания: Иов получает переживание присутствия Творца – и ни одного ответа на заданные вопросы. Книга Иова предлагает читателю форму преодоленного каббалистического гностицизма, и поэтому она нужна Сорокину как первотекст, с которого тематически начинается

тот долгий диалог о гнозисе, к которому Сорокин подключается спустя около трёх тысяч лет после его начала.

Заключение.

Ледяная Трилогия – яркий закономерный феномен своего времени, которому, как и многим другим текстам современников Сорокина, свойственно сюжетное и мировоззренческое родство с Ветхозаветным Иовом в форме реализации архетипа Иов-ситуации на сюжетном и идеологическом уровне прочтения художественного произведения. Апелляция Сорокина к праведнику из земли Уц на самом видном месте – в эпитафии – свидетельствует о том, что это родство может быть понято самим автором и сознательно применено в качестве нарративной стратегии при создании художественного произведения. Эту тенденцию следует оценивать, как положительную с точки зрения существования сверхзадачи художественной литературы просвещать читателя и формулировать аксиоматику времени в художественной форме.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Безрукавая, М.В. Романы В. Сорокина 2000-х годов: между постмодернизмом и модернизмом. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. №3 (49).
2. Сорокин, В.Г. *Ледяная трилогия*. Corpus, 2021. 800 с.
3. Татаринцов, А.В. *Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции*: дис. д-р. филол. Наук. 2006. 648 с.
4. Резниченко, С. «Теллурия» как образ будущего. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/culture/article/76438/?rss=1>
5. Писатель Владимир Сорокин: "Мне надо согреться после "Льда". Интервью с Владимиром Сорокиным. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iz.ru/446837/pisatel-vladimir-sorokin-mne-nado-sogretsia-posle-lda>
6. Иванова, И.И., Кубышкина, В.О., Серебряков, А.А. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. №45, 2017. С. 171-185.
7. Кубышкина, В.О. Утопические идеалы в романах В. Сорокина «Лед» и «Теллурия» // *Культура. Духовность. Общество*. 2014. №10. С. 58-65.

References:

1. Bezrukavaya, M.V. V. Sorokin's novels of the 2000s: between postmodernism and modernism. *Problems of history, philology, and culture*. 2015. №3 (49).
2. Sorokin, V.G. *The Ice Trilogy*. Corpus, 2021. 800 с.
3. Tatarinov, A.V. *Artistic texts about evangelical events: genre nature, moral philosophy and problems of reception*: dis. Dr. philol. Sciences'. 2006. 648 p.
4. Reznichenko, S. "Tellurium" as an image of the future. [electronic resource]. — Access mode: <http://svpressa.ru/culture/article/76438/?rss=1>
5. Writer Vladimir Sorokin: "I need to warm up after the Ice. Interview with Vladimir Sorokin. [electronic resource]. — Access mode: <https://iz.ru/446837/pisatel-vladimir-sorokin-mne-nado-sogretsia-posle-lda>
6. Ivanova, I.I., Kubyshkina, V.O., Serebryakov, A.A. Representation of gnosticism motifs in modern Russian prose. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 45, 2017. pp. 171-185.

7. Kubyshkina, V.O. *Utopian ideals in V. Sorokin's novels "Ice" and "Telluria" // Culture. Spirituality. Society. 2014. No. 10. pp. 58-65.*

Информация об авторе:

Рысухин Владимир Сергеевич, аспирант, преподаватель Кубанского государственного университета, or.irbis@gmail.com

Vladimir S.Rysukhin, post-graduate student, lecturer at Kuban State University

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.02.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.